

ЗАНГИ

СКАЗАНИЕ О ГОРЕ

УНАНЯН МИНАС

Минас Унанян

Занги

«Автор»

2026

Унанян М.

Занги / М. Унанян — «Автор», 2026

Основано на реальных событиях. Путь армянского волкодава по имени Занги начался в холодном приюте, но судьба привела его в сердце Армении — к суровым вершинам Гегамских гор. Это история превращения слабого щенка в могучего Гампра, верного стража и защитника. Когда война уводит хозяина на фронт, на шее пса затягивается тяжелая цепь. Сможет ли Занги сдерживать стаю волков, будучи скованным железом? Пронзительная повесть о мужестве, великой преданности и свободе, которую невозможно удержать на привязи.

© Унанян М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Занги

Глава

Глава 1. Осколки бетона и шепот гор

Мир для собаки начинается с запаха. Но в городском приюте запахов не было – было только зловоние. Это была густая, липкая смесь из Мир для собаки начинается с запаха. Но в ароматов старого железа, хлорки, дешевой пережаренной каши и, самое страшное, застарелого собачьего отчаяния.

Занги не помнил своей матери. Его первыми воспоминаниями были холодные прутья клетки и грубые руки ловцов. Он был странным подростком: слишком крупным для обычной дворняги, с мощной грудной клеткой и тяжелыми, как у медвежонка, лапами. В его жилах текла кровь гампра – древнего волкодава, чьи предки веками охраняли отары в туманах Гегамского хребта. Но от овчарки ему достался острый, почти человеческий взгляд и стоячие уши, которые ловили каждый шорох за пределами его тюрьмы.

Два месяца он провел в вольере номер сорок два. Два месяца он учился одной истине: свобода – это то, что находится за забором. Когда мимо клеток проходили люди, другие собаки бесновались, прыгали на сетку, скулили и пытались лизнуть случайные пальцы. Занги же просто сидел в углу, положив голову на лапы. Его молчание пугало волонтеров. Они не понимали, что этот пес не сдался – он просто копил силы для чего-то большего, чем миска с едой. Он ждал своего часа, глядя на узкую полоску неба, которая по вечерам окрашивалась в кроваво-красный цвет заката.

В тот вторник лязг засова прозвучал иначе. Не было привычного грохота ведер. Появился новый запах – запах чистого хлопка, лавандовых духов и чего-то далекого, полевого.

– Этот, – тихо сказала женщина, указывая на сорок вторую клетку. – Посмотрите на его глаза. В них нет злобы, только бесконечное ожидание.

Когда Занги вывели за ворота приюта, он впервые за долгое время коснулся лапами не бетона, а разогретого асфальта. Его тело задрожало. Мир оказался оглушительно громким: визг тормозов, крики птиц, шелест листьев. Его усадили на заднее сиденье старого внедорожника. Дверь захлопнулась, отсекая прошлое.

Машина тронулась, и для Занги началось великое путешествие. Сначала за окном мелькали серые многоэтажки Еревана, похожие на огромные муравейники. Но вскоре город начал отступать. Дома становились ниже, деревья – выше, а воздух в открытую форточку врвался всё более холодным и резким.

Занги прижался лбом к стеклу. Он видел, как горизонт начал деформироваться, превращаясь в нечто величественное. Горы Армении выросли прямо из земли, как застывшие волны каменного океана. Это не были просто холмы – это были исполины в рваных облаках. Пес смотрел на снежные шапки вершин, и в его мозгу вспыхивали древние инстинкты. Он никогда не был здесь, но его лапы зудели от желания бежать по этим склонам.

Они проезжали мимо реки. Бурный поток Аракса внизу ревел, разбиваясь о валуны, превращаясь в белую пену. Занги наострил уши. Звук воды казался ему голосом предков, призывающим его домой. Он видел маленькие деревушки, прилепившиеся к скалам, как ласточкины гнезда. Там, на балконах, сушились связки золотистой кураги, а из труб тянулся сизый дым кизяка. Каждый новый километр смывал с него приютскую пыль, заменяя её ароматом чабреца и дикой мяты.

Через три часа пути машина свернула на проселочную дорогу, ведущую в небольшое село. Пыль из-под колес поднималась рыжим облаком. Машина затормозила у добротных ворот из туфа.

– Приехали, Занги. Пойдем, сегодня у одного человека большой день, – ласково сказала женщина.

Когда его вывели во двор, Занги огляделся. Это было место, полное жизни: куры копошились в стороне, где-то за сараем блеяла овца, а над головой шумел старый абрикос. На крыльце стоял мальчик. Ему исполнилось двенадцать, и этот день должен был стать для него особенным.

Мальчик был невысоким, с темными взъерошенными волосами и серьезным взглядом. В школе его часто считали «белой вороной» – он не любил шумных игр, предпочитая одиночество и книги. Когда он увидел Занги, его лицо изменилось. Это не был восторг ребенка, получившего игрушку. Это было узнавание.

Мальчик медленно спустился с крыльца. Взрослые замерли. Они знали, что пес крупный, смесь волкодава, и боялись, что он может напугать ребенка. Но Занги стоял неподвижно. Он видел в этом мальчике ту же тоску по чему-то настоящему, которую сам чувствовал в приюте.

Ребенок подошел вплотную. Его руки дрожали. Он обхватил мощную шею пса, зарываясь лицом в густую шерсть, которая еще пахла приютом и долгой дорогой.

– Ты приехал... – прошептал мальчик.

Занги замер. Он почувствовал, как сердце мальчика бьется в унисон с его собственным. Это была не просто жалость, это была любовь на равных. В этот момент пес понял: он больше не ничейный. Он – его. Занги резко подался вперед и лизнул мальчика в лицо – от подбородка до самого лба, вызывая первый за долгое время искренний смех ребенка.

Взрослые заулыбались, тётя вытирала слезы. Начался праздник. Занги кормили лучшими кусками мяса, мальчик не отходил от него ни на шаг, показывая ему свои потайные места в саду. Казалось, это начало идеальной жизни.

Но к вечеру, когда тени гор удлинились и стали иссиня-черными, отец мальчика вынес из сарая нечто, что заставило сердце Занги сжаться. В руках у него была цепь. Тяжелая, со стальными звеньями и массивным ошейником.

– Собака в селе должна охранять, – сказал отец, вбивая в землю стальной штырь рядом с будкой. – Он наполовину гампр, он должен знать свое место. Чтобы никто чужой не зашел.

Мальчик хотел возразить, но промолчал, видя строгое лицо отца. Когда холодное железо застегнулось на шее Занги, пес не заскулил. Он лишь посмотрел на мальчика. В этом взгляде был вопрос: «Мы ведь только что обрели друг друга, зачем же теперь эта стена?»

Мальчик обнял его в последний раз перед сном и ушел в дом. Занги остался один. Он лег на сухую траву, слушая, как звенит цепь при каждом его движении. Над горами взошла луна. И где-то далеко, там, где заканчивались заборы и начинались дикие скалы, раздался протяжный, свободный вой. Занги поднял голову. Его уши дернулись. Это был голос тех, у кого не было имен и цепей.

Так закончился его первый день дома. День, когда он обрел друга, но снова потерял свободу.

Глава 2. Скрип ржавого колеса

Солнце в горах Армении не просто светит – оно диктует правила жизни. Оно встает из-за острых пиков Гегамского хребта, мгновенно высушивая ночную росу на камнях и заставляя ящериц выбирать на плоские валуны. В это утро Занги проснулся от того, что луч света пробился сквозь щель в дощатой стене сарая и шекотал его нос. Он чихнул, встряхнулся всем своим еще нескладным телом и выскочил во двор.

Его детство было коротким, как весеннее цветение абрикоса. В нем смешались гены двух великих родов: от немецкой овчарки он унаследовал пытливый ум и верность, которая граничила с одержимостью, а от армянского гампра – тяжелую кость, широкую грудь и врожденное спокойствие древнего стража. Он был подростком, чьи лапы уже стали мощными, как у медведя, но чье сердце всё еще билось в ритме детской игры.

Мальчик вышел на крыльцо, потирая заспанные глаза. Занги тут же оказался рядом, сбивая его с ног своим бурным приветствием.

– Эй, великан, потише! – засмеялся мальчик, зарываясь пальцами в густую серую шерсть на загривке пса.

Отец мальчика, высокий и молчаливый мужчина с натруженными руками, уже возился у старого навеса. Там годами копился хлам, который в деревне никогда не выбрасывают сразу – вдруг пригодится? Но сегодня был день большой уборки.

– Сын, бери тачку. Пора очистить это место, – коротко бросил отец.

Тачка была ровесницей этого дома. Когда-то ярко-красная, теперь она была покрыта слоями ржавей ржавчины и вмятинами от тяжелых камней. Её единственное колесо, лишенное какой-либо смазки, при каждом движении издавало пронзительный, почти человеческий стон. Для обычного уха это был неприятный звук, но для Занги он стал гимном свободы. Стоило мальчику взяться за ручки и толкнуть колымагу, как пес осознал: начинается что-то невероятное.

Они загрузили тачку доверху: ржавые цепи, дырявые оцинкованные ведра, обрезки старых труб и куски арматуры. Металл звенел и лязгал, а Занги носился вокруг, облаивая каждый предмет, словно это были живые существа, которых нужно было усмирить.

Когда они вышли за ворота, перед ними открылось бескрайнее поле, ведущее к старому оврагу. Воздух здесь был густым от запаха чабреца и раскаленной пыли.

– Давай наперегонки! – крикнул мальчик, налегая на тачку.

Тачка заскрипела на всю округу. Занги, обезумев от восторга, начал совершать свои знаменитые маневры. Он нырял прямо под катящееся колесо, чудом не попадая под него, проскакивал между бегущими ногами мальчика и снова вырывался вперед. Он чувствовал себя частью этого механизма, частью этой маленькой человеческой стаи. Его лай, еще не басовитый, но уже крепкий, разносился эхом, ударяясь о скалы.

В какой-то момент мальчик споткнулся о скрытый в траве камень. Тачка накренилась, хлам с грохотом посыпался на землю. Занги тут же замер. Он подбежал к лежащему другу, тревожно обнюхивая его лицо и пытаясь лизнуть в самый нос.

– Живой я, живой, глупый! – мальчик обнял его за шею, и они вместе повалились в высокую, сухую траву.

Над ними кружил орел, высматривая добычу в ущелье, а где-то далеко внизу шумела река. В эту минуту время остановилось. Занги лежал рядом, тяжело дыша, его розовый язык свисал набок, а в глазах светилось такое безграничное счастье, которое бывает только у тех, кто нашел своего человека. Они смотрели друг на друга – двое существ, которые еще не знали, что такое настоящая потеря.

Они долго лежали в траве, слушая, как стрекочут кузнечики. Занги то и дело толкал мальчика лапой, приглашая к новой игре, но солнце уже припекало, и лень разливалась по телу.

– Знаешь, Занги, – прошептал мальчик, перебирая шерсть на его ушах, – мы с тобой всегда будем вместе. Я вырасту, и мы пойдем на самый верх, к снегам. Ты будешь моим самым главным защитником.

Занги внимательно слушал, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Он не понимал слов, но он понимал интонацию. В этом голосе была защита, была любовь, был весь его мир. В тот момент пес был готов пойти за этим мальчиком в самый огонь.

Когда хлам наконец был доставлен к оврагу и сброшен вниз с веселым грохотом, они пошли обратно. Тачка теперь катилась легко, её скрип стал тише, почти нежным. Отец шел чуть впереди, довольно поглядывая на сына и собаку.

Но на обратном пути случилось то, что навсегда изменило внутренний мир Занги. На гребне холма, в золотистых лучах заходящего солнца, появились тени. Пять или шесть собак.

Они не были похожи на ленивых деревенских псов, которые спят под телегами. Эти были сухими, поджарыми, с глазами, полными дикого огня. Свободная стая.

Занги замер. Он не залаял. В нем проснулось что-то древнее, заложенное в генах гампра. Он смотрел на вожака стаи – крупного серого кобеля со шрамом через всю морду. Тот стоял неподвижно, глядя на Занги свысока. В этом взгляде была насмешка: «Ты играешь с железной тачкой, а мы владеем горами».

Мальчик почувствовал, как напряглись мышцы под ладонью, которой он касался Занги. – Пошли, Занги. Домой.

Пес неохотно отвел взгляд. Он пошел за мальчиком, но его походка изменилась. Она стала более тяжелой, осознанной.

Вечером, когда они вернулись во двор, отец принес цепь. – Хватит ему бегать просто так. Он растет, – сказал он. – В деревне собака – это забор. Он должен охранять.

Когда железный ошейник защелкнулся на шее, Занги впервые почувствовал холод металла не в тачке, а на собственной коже. Он посмотрел на мальчика, который стоял рядом, опустив голову. В глазах собаки не было обиды, только непонимание. Почему после такого счастливого дня, после скрипа тачки и бега по полю, мир вдруг сузился до длины пятиметровой цепи?

Мальчик подошел к нему, обнял за массивную голову и прошептал: – Потерпи, Занги. Это ненадолго. Я вернусь, и мы снова пойдем в поле.

Но Занги уже не слушал. Он смотрел в сторону гор, где в сумерках растворялась свободная стая. Цепь натянулась, издав свой первый короткий звон. Это был звук конца детства.

Глава 3. Золотые дни в тени абрикоса

Лето в горах тянулось медленно, как густой мед, стекающий с ложки. Для Занги это было время познания мира через запахи, звуки и прикосновения. Каждый день был похож на предыдущий, но в этой предсказуемости и заключалось его самое большое собачье счастье.

Утро в их доме начиналось задолго до того, как солнце выходило из-за вершин. Занги, спавший у порога на своей подстилке (цепь на ночь иногда снимали, когда отец был в хорошем расположении духа), первым слышал, как просыпается природа. Сначала подавали голос петухи в соседних дворах – их крики перекликались, создавая невидимую карту села. Затем слышался тяжелый вздох коровы в хлеву и приглушенное ворчание деда, который шел разжигать печь.

Но для Занги мир по-настоящему просыпался только тогда, когда за дверью слышались легкие, босые шаги мальчика. Пес замирал, наострив уши, и кончик его хвоста начинал непродолжительно бить по деревянному полу: *тук-тук, тук-тук*.

Дверь скрипела, и на пороге появлялся он – его Человек. Мальчик всегда пах одинаково: сном, теплым молоком и немного пылью книг, которые он читал допоздна.

– Привет, соня, – шептал мальчик, опускаясь на корточки и зарываясь лицом в густую шерсть на шее Занги.

Пес зажмурился от удовольствия. В эти мгновения не было ни цепей, ни обязанностей, ни диких стай в горах. Было только это тихое утро и тепло двух существ, которые нашли друг друга.

Будни в селе

Их дни были наполнены простыми, но важными делами. Когда солнце поднималось выше и начинало нещадно палить, они уходили в глубь сада. Старые абрикосовые деревья создавали там плотную, кружевную тень. Мальчик брал с собой книгу или альбом для рисования, а Занги устраивался у его ног.

Занги учился быть полезным. Он еще не понимал тонкостей караульной службы, но инстинктивно чувствовал границы их территории. Если к калитке подходил чужой, пес не лаял бездумно, как мелкие дворовые собаки. Он поднимался, его шерсть на загривке вставала

дыбом, а из груди вырывался низкий, вибрирующий рык. Он смотрел прямо в глаза пришедшему, и в этом взгляде уже проступала мощь армянского волкодава.

– Тише, Занги, это сосед, – спокойно говорил мальчик, кладя руку на голову пса.

И Занги тут же обмякал. Слово мальчика было для него законом, более незыблемым, чем законы природы. Он доверял ему безраздельно. Если мальчик смеялся – Занги прыгал вокруг, пытаясь поймать зубами воздух. Если мальчик грустил, глядя на далекие горы, пес просто садился рядом, прижимаясь своим теплым боком к его плечу, разделяя эту тишину.

Часто они ходили на реку. Путь пролегал через каменистые тропы, где воздух дрожал от жара, а цикады звенели так громко, что закладывало уши. Занги обожал воду. Он вбегал в ледяной поток Аракса, поднимая тучи брызг, и пытался поймать пастью струю воды. Мальчик заходил следом, осторожно ступая по скользким камням. Они могли проводить у воды часы: мальчик строил плотины из гальки, а Занги «охотился» на солнечных зайчиков, прыгающих по поверхности реки.

Уроки жизни

Отец мальчика внимательно наблюдал за ними со стороны. Он видел, как растет Занги, как его грудь становится шире, а лапы – мощнее.

– Из него выйдет толк, – говорил он матери за вечерним чаем. – Но парень его слишком балует. Собака в горах должна быть суровой. А этот... он за ним как тень ходит. Если что случится – пес не выживет без него.

Мать только вздыхала. Она видела, что для её сына Занги стал больше, чем просто собакой. Он был его единственным настоящим другом в этом маленьком селе, где сверстники часто смеялись над мечтательностью мальчика. Занги не смеялся. Занги понимал всё без слов.

Иногда, по вечерам, когда на село опускалась прохлада, они снова видели стаю. Собаки проходили по хребту, их силуэты четко рисовались на фоне закатного неба. В такие моменты Занги замирал. Он переставал реагировать на зов мальчика. В его глазах отражался багрянец заката и какая-то первобытная тоска.

Мальчик видел это. Он чувствовал, как внутри Занги идет борьба. – Тебе хочется туда? – спрашивал он однажды, глядя на пса. – Там холодно, Занги. Там нет дома. Там никто не почешет тебе за ухом.

Пес оборачивался и лизал руку мальчика, словно извиняясь за свои мысли. В те дни он делал свой выбор в пользу тепла и любви. Он выбирал одомашнивание, не зная, что скоро судьба заберет у него этот выбор.

Вечерние ритуалы

Вечером, когда работа в поле заканчивалась, вся семья собиралась на веранде. Пахло жареным мясом, свежей зеленью и дождем, который собирался где-то за перевалами. Занги ложился под стол, прямо на ноги мальчика. Ему нравилось чувствовать эту тяжесть – это давало ему ощущение безопасности.

Мальчик часто шепотом рассказывал псу о своих планах. О том, как он уедет учиться, как станет великим человеком и обязательно заберет Занги с собой в большой город, где они будут жить вдвоем. Занги слушал, прикрыв глаза. Для него «большой город» не имел значения. Для него существовал только этот голос и этот запах.

Однажды ночью разразилась сильная гроза. Молнии полосовали небо, а гром гремел так, что дрожали стекла в рамах. Занги, напуганный грохотом, который напоминал ему выстрелы (возможно, из его приютского прошлого), заскулил. Он метался по двору на своей цепи, задыхаясь от ужаса.

Мальчик услышал это. Несмотря на запрет отца выходить ночью, он выскользнул из дома в одной рубашке. Под проливным дождем он добежал до будки, отстегнул цепь и прижал мокрого, дрожащего пса к себе.

– Ш-ш-ш... я здесь. Всё хорошо, – шептал он, накрывая Занги полкой своей куртки.

Они просидели в тесной будке до самого рассвета. Занги чувствовал, как дрожит от холода мальчик, и грел его своим телом. В ту ночь их связь стала окончательной. Они больше не были «хозяином» и «питомцем». Они стали братьями по духу.

Но лето подходило к концу. Воздух становился прозрачнее, а ночи – холоднее. В доме всё чаще велись разговоры об отъезде. Занги чувствовал тревогу в голосах людей. Он видел, как мать собирает сумки, как отец проверяет документы. Пес стал ходить за мальчиком буквально по пятам, боясь упустить его даже на минуту.

Он еще не знал, что его ждет самое страшное испытание – тишина, которая наступит после того, как закроются ворота и звук мотора стихнет вдали. Глава их совместного счастья подходила к концу, и впереди была только длинная, холодная цепь.

Время в горах не идет по часам, оно течет вместе с переменой цвета склонов. Месяцы сменяли друг друга, нанизываясь на нить их дружбы, как бусины на четки. Пока солнце медленно остывало, а зелень лесов превращалась в золото, а затем в пепел, Занги и мальчик росли. Они менялись зеркально: один обретал силу зверя, другой – серьезность мужчины.

Дыхание сезонов

Июньское тепло, пахнущее пылью и парным молоком, постепенно сменилось тяжелым июльским зноем. В те дни они еще были неразлучны. Занги рос рывками: за одну неделю его лапы могли стать шире, а за другую – вытягивалась морда. Он всё еще спотыкался о собственные конечности, но в его беге за тачкой уже чувствовалась не щенячья суета, а мощный толчок задних лап.

Когда наступил август, мир подернулся золотой дымкой. Это было время их самого глубокого единения. Они могли часами сидеть на берегу реки, и Занги уже не пытался просто поймать брызги – он замирал, вглядываясь в течение, словно пытаясь понять логику воды. Мальчик тоже изменился: его плечи раздались, голос начал ломаться, становясь грубее. Он всё чаще смотрел не под ноги, а на горизонт, туда, куда уходила дорога.

Осень пришла с запахом дыма и холодными ветрами. Листопад в октябре засыпал двор багрянцем, и Занги впервые почувствовал, что его подшерсток становится плотным, как броня. Его взгляд утратил детскую влажность; теперь это были глаза охранника – внимательные, оценивающие, холодные для чужих и бесконечно нежные для одного-единственного человека.

К декабрю, когда первые снега укрыли вершины Арагаца, Занги превратился в настоящего исполина. Его грудь стала широкой, голос – басовитым рыком, от которого дрожали стекла в сарае. Мальчик в это время всё чаще сидел за учебниками, его лицо осунулось, взгляд стал сосредоточенным. Они оба переросли свои старые игры, но их молчаливое понимание только крепло.

Встреча с тенью

В один из январских вечеров, когда мороз уже начал сковывать землю, Занги, будучи на прогулке, снова увидел их. Стая. Семь серых теней, скользящих по насту. Они не были похожи на него – домашнего, сытого, пахнущего теплым хлебом. От них веяло первобытным холодом и кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.